

Отсутствующий ингредиент

Русский телеграф. - 1998. - 11 июня. - с. 11
Спектакль прославленного французского режиссера Арианы Мнушкиной завершает третий театральный фестиваль им. Чехова

Спектакль «И вдруг ночи стали бессонными...» сработан по классическим рецептам театрального шедевра. В нем можно узнать все ингредиенты великого — без иронии — театра: актуальность сюжета (французский театр дает прибежище тибетским артистам и вместе с ними борется за признание правительством Франции независимости Тибета), фантастическую добросовестность труппы, вымуштрованной как прусское войско, безупречный рисунок мизансцен, идеально точный ритм. Плюс к этому стратегический талант Мнушкиной: будущий спектакль она видит как поле битвы, безошибочно планируя выходы и уходы, сольные и хоровые номера и взаимодействие «своих» и тибетских артистов. Плюс живой музыкальный аккомпанемент, развлекающий нас серебряным водопадником звуков. Поразительная вещь, но во всем этом богатстве явно чего-то не хватает, и все четыре часа сценического времени уходят на поиск отсутствующего ингредиента.

У трудолюбивой и любопытной фестивальной публики спектакль Мнушкиной вызывает самые

разнообразные чувства — интерес, уважение, недоумение — только не любовь. Он блокирует какие-то непосредственные реакции. Умом понимаешь, что это великое искусство, а душа молчит и дремлет.

Задача Мнушкиной — она уже лет тридцать работает в этом направлении — активизировать вялотекущий роман зала и сцены. Спровоцировать зрителей, расшевелить актеров, заставить их прямо взглянуть друг другу в глаза, не испугаться скандала, потасовки, революции, в конце концов. Ее театр рассчитан на то, чтобы выплескиваться в зал и идти дальше, за его пределы, волевым усилием преображая мир и выстраивая рай — немедленно. Цель давно известная, но почтенная. Другое дело, что реализовать ее нелегко не только в России, отгороженной железным занавесом скептицизма от всех мировых проблем, но даже во Франции.

Есть в добрых чувствах, которые усиленно пробуждает в нас Мнушкина, некоторая фальшь, вернее, возможность фальши. Вероятно, она связана с самой проблемой выбора: почему именно Тибет привлек просвещенное внимание французского режиссера?

Откуда такое равнодушие к погибшим от землетрясения в Афганистане или в железнодорожной катастрофе в Германии? Чем одна трагедия трагичнее другой? И где грань между желанием нести искусство в мир и спекуляцией на невыдуманных бедах этого мира?

Но чем больше противоречий собирают в себе «Ночи...», тем большее уважение вызывает бескомпромиссность Мнушкиной. Невольно хочется «дожать», построить ее спектакль, понять, где же тот сбой, что сводит на нет всю работу этого грандиозного театрального механизма.

Возможно, ее стратегию стоило бы радикально усилить: поставить, например, спектакль продолжительностью не четыре часа, а в режиме реального времени. Чтобы мы проводили в театре целый уик-энд, подражая героям и сливаясь с ними в борьбе за правое дело Тибета. Тогда и наши ночи стали бы бессонными. Нам раздали бы одеяла, покормили бы жидким супчиком из общего котла, повели бы на демонстрацию, заставили бы подписать Декларацию прав независимости Тибета или другой, не менее важный документ.

А может быть, наоборот, нужно было предельно стусить действие, загнать сюжет в полтора часа и предаться вольной игре формальных экзерсисов? Ведь артисты обеих трупп — и французской и тибетской — демонстрируют непогрешимое пластическое и вокальное мастерство.

Или все дело в языковом барьере? Перевод бегущей строкой безжалостно компрометирует текст, симпровизированный актерами Мнушкиной и литературно обработанный ее постоянным драматургом Элен Сиксус.

А может, стоило заменить Тибет Гонконгом или ужимки *commedia dell'arte* доморощенным Гран-гиньолем? Не дает ответа.

Пока же актеры неумоимо бегут по залу, раздражаются многословными монологами на французском, тибетском и пиджин-инглиш и привычно напрягают слезные железы. Публика же живет сама по себе, разворачивая самостоятельный перформанс и в простодушии своем даже не ведая о том, что конкурирует со спектаклем. Наблюдать за залом театра Российской Армии не менее интересно, чем за актерами: зритель

Восток и Запад сходятся и даже обнимаются в спектакле Арианы Мнушкиной «И вдруг ночи стали бессонными». Театр дю Солей

плет, кушает, засыпает и просыпается, болтает, читает, временами — когда кто-то громко вскрикивает или начинает танцевать в маске — взглядывает на сцену.

Безумие — корить Ариану Мнушкину за то, что она не сумела почувствовать этот зал. Наивно — упрекать ее за то, что вместо подлинного понимания тибетской проблемы она дарит нам его иллюзию. Что есть понимание, как не бесконечное приближение к нему,

безнадежная погоня за ускользающим смыслом? В ее сильном и смелом спектакле нам не хватало, пожалуй, только неуверенности — в окончательности ответов, в своем праве на поиск смысла, в самом существовании смысла. Рефлексия — горькая, но чрезвычайно актуальная приправа: шеф-повара европейской мысли настоятельно рекомендуют ее в этом сезоне.

Виктория НИКИФОРОВА

11.06.98

Мнушкина Ариан